

Л.Е.Бляхер

АКТУАЛИЗАЦИЯ КЛАССИКИ

Вебер М. Власть и политика / Пер. с нем. Б.М.Скуратова, А.Ф.Филиппова; вступ. ст. А.Ф.Филиппова; комм. Т.А.Дмитриева, А.Ф.Филиппова. — М.: РИПОЛ классик, 2017. — 432 с.

Ключевые слова: Макс Вебер, власть, политика, бюрократия, современность

Писать рецензию на тексты Макса Вебера — занятие довольно странное. Тексты эти давно и плотно стали основой для собственных построений большей части обществоведов самой разной специализации. Они многократно обсуждены, взвешены и выверены. Тогда о чем писать? Все это было бы так, если бы не одно обстоятельство, значимое как в отношении работ Вебера, так и знания об обществе вообще. Знание об обществе и политике как важнейшей его составляющей не бывает окончательным, меняется с изменением самого общества. Поэтому и классические тексты крайне редко находят свое окончательное место на дальних книжных полках. Каждое изменение меняет и наше прочтение классики, дает нам новые основания для понимания реальности, вычитанные из классических работ, на которые удалось взглянуть под иным углом. Сегодня, в условиях все более усложняющегося мира, потребность в новом языке ощущается как никогда остро. Причем язык этот отнюдь не произволен. Иначе он будет воспринят как «чужой», неадекватный имеющейся реальности. Не может быть он и совсем «своим», дублирующим язык актуальной публицистики, ибо в этом случае он будет восприниматься как избыточный. Такой «свой/чужой» язык и возможно эксплицировать из работ классиков. Именно к этому, как мне кажется, и призывают издатели (переводчики, комментаторы) рецензируемого сборника.

В сборник, составленный Александром Филипповым и его коллегами, вошли три крупные работы Вебера, в большей или меньшей степени связанные с заявленной парой «власть и политика»: «Парламент и правительство в новой Германии», «Политика как призвание и профессия» и «Основные социологические понятия». Все они уже выходили на русском языке. Самостоятельную ценность, на мой взгляд, представляют комментарии к этим работам, а также обширная вступительная статья, написанная Филипповым.

Переиздание работ несомненного классика — дело сложное и не всегда благодарное. Ведь каждое из подобных сакральных имен уже обросло веером интерпретаций, освоено и присвоено каждым исследователем, так или иначе обращающимся к их наследию. К Веберу это

относится в полной мере. Его работы разошлись на цитаты, стали основаниями для целого ряда концепций и школ. Тем интереснее смысловые нюансы, возникающие при объединении их под одной обложкой. Тем интереснее посмотреть, какие новые грани классика нам открывает своеобразие композиции книги «Власть и политика».

Берущиеся за переиздание трудов классика могут преследовать одну из двух целей. Первая цель — мемориальная, желание добавить еще один камень в величественный монумент гению. Вторая — прикладная, попытка как-то иначе взглянуть на наследие мыслителя. Ведь функция классических трудов в гуманитарных науках несколько отличается от той, которую они выполняют в науках естественных. Развитие знания здесь не столько опровергает или дополняет прежнее, сколько оборачивает новыми гранями, актуализирует иные, бывшие прежде в тени смыслы.

Но подобная актуализация — дело более чем непростое, ибо каждый или почти каждый читатель (а текст обращен, безусловно, к профессиональной аудитории) уже знает, о чем пишет Вебер. Соответственно, попытка прочесть его по-новому воспринимается как посягательство на основы. Для того чтобы тексты классика вдруг стали звучать иначе, иначе их должны прочесть не издатели или комментаторы, а те, кому это издание адресовано. Однако труд задать иной, нетрадиционный контекст прочтения лежит именно на издателях. Видимо, этим и определяется крайне непривычный подбор текстов и сама композиция сборника.

Что же непривычного в подборе текстов, да и в книге *per se*? Во-первых, сами тексты различаются и тональностью, и жанром: от публицистического и полемического «Парламента и правительства...» до фундаментально-академических «Основных социологических понятий» — с лежащей между ними «Политикой как призванием и профессией». Но дело не сводится к жанровым и интонационным расхождениям. Неодинаково даже понимание терминов. В итоговом теоретическом разделе автор пишет о коллективных действиях, которые в обыденном языке обозначаются словами «государство», «армия» и т.д. Но в первой статье понятия «армия», «государство», «нация» употребляются в том самом обыденном смысле.

Что же объединяет эти работы, по мнению составителей сборника? Ответ на этот вопрос мы можем найти во вступительной статье Филиппова «Социология и проклятие политического». По сути, и композиционно, и концептуально она является важнейшим элементом сборника. Именно она ведет нас от наиболее фундаментальных теоретических положений к прикладным описаниям и публицистике, вскрывает их тесную, хотя и не очевидную связь. Показательно, что по отношению к помещенным в сборник текстам Вебера логика в статье выстроена обратная. Если в сборнике движение идет вглубь — от видимой и обсуждаемой политической реальности к сущностным ее характеристикам, то в статье теория выступает отправным пунктом путешествия в конкретную политику. Это задает особое напряжение при

чении веберовской публицистики. Из рассуждений ad hoc она становится логическим продолжением теоретических изысканий. Тем самым текущая политическая ситуация, да и более академическая политическая рефлексия обретают иное измерение, иную глубину, иной уровень трагизма. Вопрос, который, как считают издатели, ставит Вебер в публицистической работе, напрямую вытекает из принципов, заложенных в «Основных социологических понятиях» и, шире, во всей традиции понимающей социологии, восходящей к трудам мыслителя: как можно даже не предсказать, а понять действия людей в условиях, когда конкретные обстоятельства их жизни меняются стремительно и радикально? Возможно, как раз этим и объясняется то обстоятельство, что сборник открывает наименее «научная» работа «Парламент и правительство...».

Именно в ней Вебер говорит о фундаментальнейшей особенности современной политики и всей общественной жизни — бюрократизации. Не кто иной, как бюрократы, становятся господствующей кастой, подчиняя себе политические союзы и сословия, города и профессиональные ассоциации. Но слово «современной» имеет здесь двоякий смысл. Время, в котором живет мыслитель, из случайной характеристики превращается в критически важный концепт всего сборника. При этом речь идет не только о сиюминутности, какой-то точке на воображаемой шкале, но и о современности-модерне. Содержанием модерна и оказывается набирающее силу движение бюрократии к всеобщему и всеобъемлющему господству. Может ли парламент, воплощающий, по мнению Вебера, «представительство тех, кто поработен средствами бюрократии», хоть в какой-то мере способствовать сохранению «свободы» человека, составляющей тот конституирующий признак, который отличает его от животного?

В своей работе Вебер показывает, как формируется «негативная власть» парламента (возможность влиять на бюджет, блокировать те или иные законопроекты, разработанные бюрократией), насколько она незначительна по сравнению с властью чиновника, решающего ключевые вопросы общественной жизни, распоряжающегося огромными ресурсами. Однако стоит обратить внимание на специфику «власти» чиновника, профессионального бюрократа (ставшего таковым через образование, диплом и т.д.). Эта власть инструментальна. Она заключается в максимально точном исполнении спущенных сверху норм, инструкций и рекомендаций. Субъективное мнение чиновника здесь роли не играет. Он часть машины. Не только долг и рациональность, но и честь диктует ему точное выполнение распоряжений свыше.

Конечно, нацией может руководить политик, а предприятие развивать предприниматель. Их принципиальное отличие от чиновника состоит в том, что они сами ставят перед собой цели, на собственный страх и риск. Отсутствие подобных людей (а логика тотального наступления бюрократии диктует неизбежность ситуации, когда и на высших политических постах, и во главе хозяйствующих субъектов окажутся чиновники)

ведет к деградации системы, ее неустойчивости. Любое внешнее изменение, требующее личного целеполагания и личного принятия решения, способного повлиять на судьбу нации, ставит общество, попавшее под власть чиновников, в катастрофическое положение.

Однако логика действий политика в обществе, где господствует бюрократия, такова, что получить искомый доступ к рычагам власти он может лишь согласившись на роль чиновника, то есть отказавшись от целеполагания и свободы. Соответственно, вопрос в том, в состоянии ли парламент и партии (как механизм попадания в парламент) стать чем-то иным, нежели трамплином для продвижения на посты чиновников?

Ответ Вебера на этот вопрос, по сути, утвердительный. При всем том, что в рамках господствующей тенденции сами партии превращаются в бюрократические машины, где господствует корпорация чиновников, такая возможность есть. В чем она? Равенство депутатов — один из мифов. Деятельность даже самых устойчивых парламентов вращается вокруг лидеров, тех, кто способен на личное целеполагание. Да и сам парламент может обладать не только «негативной властью». Тем не менее это не более чем возможность. Здесь и перебрасывается мостик ко второй работе Вебера, помещенной в сборник. Если в «Парламенте и правительстве...» собственно теоретический анализ скорее подразумевается, то в «Политике как призвании и профессии» он выдвинут на передний план. Само начало текста постулирует его намеренную «незлободневность».

Вебера интересуют идеальные типы политиков, и прежде всего два полюса политики: политический харизматик (вождь) и профессиональный политик-бюрократ. Различия принципиальны. Политик по призванию не нацелен на получение дохода от политики. Его привлекает сама власть как возможность воплощения своих идей. Он властен, поскольку способен раздавать. Политик-бюрократ видит в политике источник не только смысла, но и вполне материальной ренты, стремясь занять такую позицию в структуре, которая эту ренту (жалование, доход) обеспечивает. Поэтому он не «раздает», а берет. Вождь, как правило, дилетант. Во всяком случае, экзамен на должность вождя он не сдавал. Статус политика-профессионала рано или поздно обретает и формальное измерение в виде квалификационного экзамена.

Некогда эти два типа политиков совместно монополизировали право на легитимное насилие, уничтожив сословия. Причем даже там, где сословия, политические союзы сохранились в виде сообществ «уважаемых людей», в конечном счете появились профессионалы, способные «делать политику», знающие, как устроена машина, на какие кнопки нужно нажимать, чтобы она работала. В большом и сложно организованном обществе число политиков-профессионалов стремительно увеличивается, а сами эти политики срastaются с государственными чиновниками. И чем более профессионального руководства требует общественное хозяйство, тем меньшую роль в нем играют собственно политики. Но здесь и возникает проблема, отмеченная Вебером в первой работе. Господство чиновников — это господство людей с качественно

иным типом ответственности. Преодолевая цезаризм и вождизм, политик-профессионал ведет общество к ситуации, когда во главе его оказывается «клика», специфический коллективный суверен, лишенный важнейших качеств суверена — способности к самостоятельному целеполаганию и готовности нести ответственность за принятое решение.

Но политик, обладающий этими качествами, вождь, выступающий у Вебера своеобразным воплощением протеста против бездушной машины, олицетворением духа революции, тоже балансирует на очень тонком канате. Для претворения в жизнь своих идей и убеждений он вынужден идти на соглашения и компромиссы, часто противоречащие базовым этическим принципам, и обращаться к главному инструменту политики — насилию. Соответственно, он нуждается в свите, которая крайне редко одухотворена теми же идеями. Ее лояльность вождю (а только она и делает свиту эффективным инструментом) требует вознаграждения, добычи, трофеев. В итоге свита вырождается в касту получателей благ, должностей и преференций, ту самую клику, которая способна проглотить вождя с его идеалами. Для того чтобы все это преодолеть, нужно быть не просто вождем, нужно быть героем.

Казалось бы, эти работы Вебера образуют вполне законченный и самодостаточный корпус текстов. Третья работа — «Основные социологические понятия» — выламывается из него и по стилю изложения, и по сложности. Но ее наличие создает для первых двух совершенно особую оптику. Тексты, в большей или меньшей степени касающиеся «сегодня» послевоенной Германии, становятся текстами о политике *par excellence*, о политике эпохи модерна, ее отличиях от политики иных эпох.

Поздние работы Вебера, а составители сборника специально подчеркивают, что вошедшие в него тексты объединяет время их создания, крайне интересны и еще с одной точки зрения. Человек по имени Макс Вебер формировался как личность в одну из самых стабильных эпох в истории Европы. Перед его глазами был динамичный, пестрый, но достаточно устойчивый и предсказуемый мир. И вдруг что-то пошло не так. Мир неожиданно замутнился, перестал быть не только предсказуемым, но и понятным. Для следующего поколения мыслителей подобная ситуация была уже данностью, «онтологией», из которой они исходили. Для поколения же Вебера она была катастрофой. И Вебер попытался прояснить этот ставший непостижимым мир, выработать инструмент, который позволит мыслить его социологически, то есть понимать его. Именно в этом плане он особенно важен сегодня для нас, стремящихся из своего «вчера» понять «сегодня» и постараться помыслить «завтра», связать распадающуюся ткань времени.